

УДК 17.024

ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ УЖАСА**MORAL SIGNIFICANCE OF HORROR****А.А. Гришин****A.A. Grichin**

*Воронежский государственный университет, Россия, 394000, Воронеж, Пр. Революции, 24.
Voronezh State university, 24, Prospect Revolution, Voronezh, 394000, Russia*

E-mail: iamaphilosopher@ya.ru

Ключевые слова: ужас, страх, боязнь, грех, смерть, тайна бытия, подлинное бытие, этика.

Keywords: horror, fear, anxiety, sin, death, the mystery of being, authentic being, ethics.

Аннотация. В статье рассматривается этический характер феномена ужаса в контексте русской и западноевропейской философии. Отмечается, что ужас, как правило, воспринимается в контексте философии экзистенциализма, что не способствует раскрытию его нравственного значения. Подчеркивается фундаментальное различие между страхом и ужасом, смешение которых ведет к искажению философского смысла этих понятий. Лингвистический анализ, выявляющий семантические различия между немецкими терминами «Angst» и «Furcht», помогает более точному переводу этих терминов на русский язык. Отмечается, что семантическое богатство русского языка позволяет раскрывать нравственные параметры феномена ужаса как непсихологической категории. Особенность отечественного философского дискурса ужаса в том, что в нем этот феномен связан с «тайной бытия», приобщение к которой носит этически возвышающий характер для личности. Нравственное значение ужаса раскрывается как возможность преодолеть рутину повседневного неподлинного существования и обрести этически достойный смысл бытия.

Resume: The article discusses the ethical character of the phenomenon of terror in the context of Russian and Western philosophy. It is noted that the horror is usually seen in the context of the philosophy of existentialism, that is not conducive for disclosure of its moral values. It emphasizes the fundamental difference between fear and horror, confusion which leads to a distortion of the philosophical meaning of these concepts. Linguistic analysis, identifying semantic differences between the German terms «Angst» and «Furcht», helps more accurate translation of these terms into Russian. It is noted that the semantic richness of the Russian language allows to reveal a moral dimensions of the phenomenon of terror as a non-psychological category. The peculiarity of Russian philosophical discourse of horror that it is related to «mystery of being», introduction to which is ethically uplifting for the person. The moral significance of horror is revealed as an opportunity to overcome the routine of everyday inauthentic existence and attain a worthy ethical meaning of life.

Среди многих явлений духовного мира человека такие феномены как «состояние ужаса», переживание ужаса» имеет особенно важное нравственное значение. Конечно, говорить о нравственной значимости ужаса трудно, учитывая его «деструктивный» характер по отношению к человеческой психике. Лексема «ужас» означает крайне негативную эмоциональную реакцию, и, естественно, что человек стремится избавиться как от предмета ужаса, так и от этого крайне неприятного состояния.

Однако, этический взгляд на эти понятия способен раскрыть в них нравственную глубину, имеющее позитивное значение для формирования полноценного нравственного мира человека. И наоборот, игнорирование этих понятий, или их «эстетизация», имеющая место в современной медийной культуре, наносят нравственный урон личности, поскольку не позволяет ей пережить трагическую глубину бытия, в которой она пребывает.

Безусловно, этими вопросами занимался экзистенциализм, в котором дана системная аналитика этих состояний и разработан определенный категориальный аппарат. Однако аналитика экзистенциалов носит аксиологически и этически нейтральный характер (например, у М. Хайдеггера). Определенный поворот философии экзистенциализма в сторону этики, педагогики и антропологии прослеживается у Отто Ф. Больного; но это скорее исключение. В целом экзистенциализм обладает замкнутым характером и фиксирует лишь негативные свойства «пограничных состояний», придавая им бытийный статус.

Для раскрытия нравственных оснований феномена ужаса имеет смысл обратиться к русской философии, в которой большинство вопросов приобретают этический характер. Среди русских философов Н. А. Бердяев говорил о том, что «тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение» [Бердяев, с. 260]. Такое мнение встречается не часто, поскольку многие философы склонны негативно трактовать эти понятия. Однако, взгляд Н. А. Бердяева является определяющим в данном вопросе. С нашей точки зрения понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть бытийные измерения, о которых она возможно ранее и не подозревала. В этом смысле становится актуальной этическая ана-

литика феномена ужаса, расширяющая горизонты современной этической теории, которые имеют непосредственное практическое значение для нравственного роста и совершенствования личности.

Для того, чтобы прояснить нравственные измерения ужаса необходимо, прежде всего, отделить его от понятия «страха», которое является ближайшим синонимом ужаса. В обыденном сознании ужас, как правило, мыслится количественно, как высшая стадия страха. Однако, это не так. В философском плане необходимо разделять эти понятия, как это имеет место у Н. А. Бердяева и М. Хайдеггера.

Здесь необходимо сделать некоторые терминологические и лексические уточнения, связанными с трудностями, возникающими при переводе. Дело в том, что в «Бытии и времени» М. Хайдеггер употребляет лексемы «Furcht» и «Angst», которые в переводе В. В. Библихина на русский язык передаются соответственно как «страх» и «ужас». (§ 30. Die Furcht als ein Modus der Befindlichkeit («Страх как модус расположения») и § 40. Die Grundbefindlichkeit der Angst als eine ausgezeichnete Erschlossenheit des Daseins (Основное расположение ужаса как отличительная разомкнутость присутствия)) [Heidegger, S40].

При этом оба слова («Furcht» и «Angst») могут переводиться на русский язык как «страх». «Angst», переводимый на русский как «ужас», в немецком означает «страх». Здесь важны семантические различия этих слов в немецком, которые позволяют Хайдеггеру их строго разделить, употребляя именно эту пару слов. Дело в том, что в тексте «Бытия и времени» встречается слово «Entsetzen», которое тоже переводится как «ужас». Однако Хайдеггер выбирает именно «Angst» для передачи экзистенциального страха (то есть ужаса), поскольку «Furcht» обозначает скорее «боязнь» чего-то, то есть причинный, мотивированный страх. Отечественный исследователь А. Демичев пишет по этому поводу: «В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, опущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить» [Демичев, с. 7].

Таким образом, то, что у Хайдеггера терминологически обозначается как «Angst» (экзистенциальный страх) в русском философском сознании воспринимается (и переводится) как «ужас». И соответственно то, что он обозначает словом «Furcht» (просто страх) в русском сознании воспринимается как «боязнь», «страх как боязнь», не имеющие никаких экзистенциальных измерений.

Именно здесь может происходить наложение понятий, которое может сбить с толку в том случае, когда экзистенциальный страх переводится на русский не как «ужас», а как «страх». Как, например, в книге Отто Ф. Больнова «Философия экзистенциализма», в которой VIII глава называется «Страх», а один из разделов «Боязнь и страх» [Больнов, с. 89-101]. Он как раз употребляет слова «Furcht» для «боязни», а «Angst» для экзистенциального страха, и поэтому можно было пару «боязнь и страх» перевести как «страх и ужас».

Это становится понятным из текста Больнова, в котором он указывает, с одной стороны, близость этих понятий, с другой, их фундаментальное отличие. Он пишет: «Своеобразную сущность страха экзистенциальная философия прежде всего отличает от родственного явления простой боязни. Сразу же следует заметить, что страх и боязнь весьма близки, и словоупотребление зачастую их неразличимо роднит. Но все же различие существует – чуткое ухо распознает его уже в обычном словоупотреблении, а экзистенциальная философия выявляет затем при помощи понятийных средств» [Больнов, с. 90-91].

Какие различия находит философ между «боязнью» и «страхом»? Прежде всего, боязнь связана с чем-то определенным, конкретным, зримым. Боязнь имеет предметное содержание, предстает в виде вреда или угрозы индивиду. В то время как какой-либо определенный предмет, вызывающий страх, в страхе отсутствует. Больнов относит «беспочвенность и предметную неопределенность» страха к его глубинной сущности.

На семантическую и даже онтологическую неопределенность отношений между «страхом» и «ужасом» указывает и М. Хайдеггер. В «Бытии и времени» он пишет: «Для анализа ужаса мы не совсем подготовлены. Правда, остается еще темным, как он онтологически взаимосвязан со страхом. Феноменальное родство явно существует. Признаком тому факт, что оба феномена большей частью остаются не разделены и ужасом обозначается то, что оказывается страхом, а страхом именуется то, что имеет характер ужаса» [Хайдеггер 2011, с. 185].

Это очень точное наблюдение; действительно ужас и страх часто оказываются неразличимыми и на уровне речевого употребления даже в текстах философии. Однако между ними существует не просто различие, но различие фундаментальное, на которое указывает М. Хайдеггер в другой работе «Что такое метафизика?» Он говорит о «фундаментальном настроении ужаса», раскрывая сущность ужаса следующим образом: «Под ужасом» мы понимаем здесь не ту слишком частую способность ужасаться, которая, по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Страх перед чем-то касается всегда тоже каких-то определенных вещей. Поскольку

ку боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся...

...ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить» [Хайдеггер 1993, с. 20-21].

Это ключевое рассуждение М. Хайдеггера, показывающее, с одной стороны, фундаментальное различие ужаса и страха, а с другой, указывающее на неопределенность, то есть беспричинность (в житейском и психологическом плане) и немотивированность ужаса. Философ связывает ужас с Ничто: «ужасом приоткрывается Ничто». Вот где основа всей бесосновности ужаса, его непостижимый характер. Поскольку, как говорит мыслитель, «ужас делает человека заместителем Ничто», то он как бы спит в человеке, готовый проснуться в любую минуту. Человек испытывает «приступ ужаса», то есть действия в нем Ничто. Но когда приступ отошел, человек остался тем, кем он и был до этого. Ничего в нем не меняется. И Хайдеггер не говорит о духовном и нравственном преобразении человека.

Ужас в этом смысле – аксиологически нейтральное состояние. Он имеет отношение к онтологии, но не к этике. Однако, в «Бытии и времени» можно обнаружить рассуждения про ужас, имеющие отношение к плану этики. Ужасом раскрывается не только Ничто; ужас мыслится Хайдеггером как «бытийная возможность присутствия». Он пишет: «перед чем ужасается ужас, есть само бытие-в-мире» [Хайдеггер 2011, с. 187]. Ужас размыкает присутствие, позволяя последнему сбыться. «Захватченность ужасом размыкает исходно и прямо мир как мир».

Что дает это размыкание ужасом присутствия? Хайдеггер говорит: «в ужасе лежит возможность отличительного размыкания, поскольку он уединяет. Это одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможность его бытия» [Хайдеггер 2011, с. 191]. Человек, тем самым, подпадает, если и не в ситуацию этического выбора, то, по крайней мере, ему высвечиваются этические смыслы его бытия.

Связанность ужаса и бытия отмечают современные авторы. В. В. Варава пишет: «Ужас – как бы *изнанка философского удивления*, его противоположный полюс. По сути, *удивление и ужас* – одно состояние: *ужас удивителен, а удивление ужасно*. Главное, что перечисленное не имеет отношения ни к психологии (это не аффект), ни к религии (это не «страх Божий»), ни к искусству (это не восторг и вдохновение), ни к повседневности (это не испуг). Оно имеет отношение к *бытию* и к *бытийному в человеке*. В какой мере человек чувствует удивление и ужас бытия, в такой мере он философ, потому что бытие как таковое не удивительно для обыденного сознания (оно удивляется чему-то сверхъестественному) и не ужасно (оно боится чего-то особенного, страшного, а не ужасается тому, что есть)» [Варава, с. 262].

О нравственном значении ужаса, как мы уже отмечали выше, говорит более всего Н. А. Бердяев. Для него также принципиально важным является фундаментальное разделение «ужаса» и «страха». И для того, чтобы понять нравственный характер ужаса, необходимо понять безнравственный характер страха.

Рассмотрим этот аспект подробнее. Н. А. Бердяев вслед за С. Кьеркегором и М. Хайдеггером придерживается различия между «Furcht» и «Angst». При этом философ дает такую уничтожающую картину страха: «Страх есть состояние дрожащей, трепещущей, падшей твари, которая находится в низинах бытия и которую со всех сторон подстерегают опасности. Страх есть ожидание страданий, ударов, лишений, наступления врага, который отнимет блага жизни, отнимет и самую жизнь, ожидание болезни, бедности, беспомощности и беззащитности. В переживание страха не входит представление о высоте бытия, которую человек хотел бы достигнуть, и оторванность, от которой его мучит. В переживании сильного страха человек обыкновенно забывает о всякой высоте и склонен жить в низинах, лишь бы освободили его от ожидаемых опасностей, лишений и страданий. Страх – оппортунистичен, и в состоянии сильного страха человек на все бывает согласен. Страх есть состояние унижающее, а не возвышающее человека» [Бердяев, с. 255-256].

Таким образом, согласно Н. А. Бердяеву, страх, который является «самым древним аффектом человеческого природы», оказывает парализующее действие на нравственную волю человека: «Страх искажает все нравственные оценки и извращает все нравственные действия. Страх – оппортунистичен. Этика страха определяется не из духовного источника, она имеет своим источником социальную обыденность. Страх парализует свободу совести и засоряет ее чистоту. И нужно освободиться от аффекта страха, чтобы совесть совершала нравственные оценки и акты» [Бердяев, с. 259].

Из современных авторов о негативном действии страха на человека в схожем с Н. А. Бердяевым духе ярко пишет А. Демичев: «Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную сторону жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности – обеспечивать

себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душист воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношении с другими людьми» [Демичев, с.5].

Таким образом, грех и страх связаны бытийно. Нравственно негативный характер страха Н. А. Бердяев объясняет религиозными причинами: страх есть основа греховной жизни. Можно сказать, что страх – это не столько основа греха, сколько его следствие. Человек испытывает страх, потому что греховен. Страх у христианского мыслителя Н. А. Бердяева является знаком греховности, а значит нравственной порочности. У М. Хайдеггера этого нет; он страх рассматривает скорее психологически, в то время как ужас онтологически.

Для Н. А. Бердяева страх низменен, так как греховен. И страху противостоит духовно и нравственно возвышающий человека ужас. О нем он говорит в самых метафизически приподнятых тонах: «И подлинный ужас можно испытывать только перед тайной бытия или перед темным хаосом, а не перед опасностями обыденной жизни» [Бердяев, с. 257]. Ключевое понятие здесь «тайна бытия», которая вызывает ужас, который иногда Бердяев называет священным ужасом, который обладает несомненно нравственным значением. Об этом он говорит так: «То же, что я называю «ужасом», – бескорыстно, не утилитарно, не эвдемонистично, не означает озабоченности и страха перед будущими страданиями, а чистое переживание бездны, отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия. Поэтому и тоска и ужас могут иметь чистое нравственное и духовное значение» [Бердяев, с. 260].

Н. А. Бердяев находится в одном русле с Кьеркегором, полагавшим, что грех находится в основе страха. При этом нельзя забывать, что Кьеркегор, чья работа переводится как «Понятие страха», говорит об в нашей терминологии об «ужасе» (работа называется «Der Begriff der Angst»). Бердяев строго разводит греховный страх и священный ужас. Страх – свидетельство падшей, низкой природы человека, в то время как ужас есть свидетельство «высшей, горней, богоподобной природы человека, обличение его призвания к высшей жизни» [Бердяев, с. 257].

У Кьеркегора страх-ужас также как и у Н. А. Бердяева имеет духоносный характер, однако, ход его рассуждений несколько иной. Следующий фрагмент из работы Кьеркегора «Понятие страха» прямо указывает на духовный характер страха-ужаса. Философ говорит, что у животного невозможно обнаружить страх, потому что его природа не определена как дух. Человек же, будучи духовным существом, способен на страх-ужас. Более того, именно страх-ужас и делает человека духовным. Он пишет: «Наблюдение за детьми позволяют обозначить этот страх как жадное стремление к приключениям, к ужасному, к загадочному. То, что бывают дети, в которых этот страх не обнаруживается, еще ничего не доказывает: ведь у животного его тоже нет, и чем меньше духа, тем меньше страха. Такой страх столь существенно свойственен ребенку, что тот вовсе не хочет его лишиться; даже если он и страшит ребенка, он тут же опутывает его своим сладким утешением. И во всех народах, где детскость сохранилась как грезы духа, этот страх есть; и чем он глубже, тем глубже сам народ. Только прозаическая пошлость может полагать, будто тут содержится какое-то искажение» [Кьеркегор, с. 144].

Эта парадоксальная формула Кьеркегора: «чем меньше духа, тем меньше страха» полностью противоречит установкам здравого (обыденного или героического сознания), которое как раз считает страх проявлением малодушия, слабости у Кьеркегора наоборот: страх является показателем духовности, в то время как именно бездуховные люди не способны испытывать страх.

Апофеозом апологии страха (ужаса) у Кьеркегора можно считать сравнение страха с головокружением. Он пишет: «страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю» [Кьеркегор, с. 160].

Комментируя эти слова Кьеркегора Отто Ф. Больнов говорит, что только через страх (то есть ужас) открывается подлинное существование. «Собственно лишь в прохождении сквозь страх достигнимо подлинное существование. ... Страх подобен огню, поглощающему собой е несущественное, все конечное перед ним вянет, в прохождении сквозь этот болезненный процесс уничтожаются все крепкие, оболочки и гарантии, и человек оказывается целиком отдан незащищенности, лишь только в которой и обретается экзистенциальное существование» [Больнов, с. 94]. Примечательна также характеристика Кьеркегора, данная П. Тиллихом, назвавшим датского философа одной из «пророческих душ XIX в.», которые сформировали ситуацию XX столетия. Американский теолог пишет, что «им всем была свойственна смесь духовного ужаса, пророческого гнева, меланхолической покорности, этической страсти, интеллектуальной агрессивности» [Тиллих, с. 457].

Выражение «духовный ужас» очень точно передает истинный смысл экзистенциальных исканий, главной целью которых является неустанное продвижение к подлинному бытию. Вообще, экзистенциальная категория «подлинного существования» имеет, по сути, этический характер. И то, что она достигается посредством ужаса, свидетельствует в пользу его нравственного характера. Это стано-

вится еще более понятным из следующих слов Больнова: «становится понятным, насколько неверен упрек, полагающий, что страх можно было бы отвергнуть, расценивая как слабость. Слабость выражается скорее в том, что человек бежит от страха, поворачивается назад в шумную суету повседневной жизни, пытаясь заглушить этот предостерегающий голос различного рода рассеянием. Напротив, для того чтобы выдержать страх, всегда уже требуется неслыханное напряжение, поэтому страх представляет собой нечто совершенно иное, нежели простую боязнь.

Отсюда выдерживание страха становится тем требующимся от человека высочайшим достижением, в котором единственно реализуется подлинность его существования» [Больнов, с. 96].

Современный философ Г. Л. Тульчинский пишет о необходимости преодоления ужаса через осмысление бытийной ситуации человека и через поправление смерти как главного «активатора» ужаса: «Ужас и смерть – не формы, а сама ткань бытия. И дело человеческое – формовать из этой ткани его – бытия – осмысленное. Смертью смерть поправ» [Тульчинский, с. 160].

Таким образом, выявляется достаточно четкая оппозиция страх/ужас, которая свойственна не только экзистенциальной философии, но и русской религиозной (главным образом в лице Н. А. Бердяева).

Итак, рассмотрев различные философские построения относительно ужаса, можно сделать некоторые выводы относительно нравственного характера этого феномена:

- феномен ужаса имеет двойственный характер – онтологический и этический; первый в большей мере присущ западной философской традиции (М. Хайдеггер), второй русской философии (Н. А. Бердяев);

- на этическом уровне имеет сущностное значение бинарная оппозиция страх/ужас; если первый трактуется как проявление низменной (греховной) природы человека, то второй имеет однозначно положительный характер («духовный ужас» в терминологии П. Тиллиха), связанный с духовно-нравственным восхождением человека;

- экзистенциальный страх (ужас) имеет немотивированный и беспричинный характер, обусловленный его связанностью с Ничто, что исключает возможность его рационального постижения (в том числе психологического контроля и регуляции). Однако, это открывает возможность его нравственного переживания, что приводит к подлинному бытию (экзистенциализм) или к тайне бытия (русская философия);

- философская лексика русского языка обладает достаточным семантическим богатством, позволяющим раскрывать не только психологические, но этические параметры ужаса. Это способствует более глубокому антропологическому постижению человека.

- игнорирование ужаса, стремление от него избавиться лишает человека собственной бытийной возможности на обретение свободы и смысла, а значит этически осмысленной и нравственно достойной жизни.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003.
Berdyayev N.A. Opyt paradoksal'noj ehtiki. M., 2003.
2. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб., 1999.
Bol'nov O.F. Filosofiya ehkzistencializma. SPb., 1999.
3. Варава В.В. Адвокат философии. М., 2014.
Varava V.V. Advokat filosofii. M., 2014.
4. Демичев А. Введение // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М., 2009.
Demichev A. Vvedenie // Delyumo Z.H. Identifikaciya uzhasa. M., 2009.
5. Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М., 1993.
K'erkegor S. Ponyatie straha // Strah i trepet. M., 1993.
6. Тиллих П. Кьеркегор как экзистенциальный мыслитель // Избранное: Теология культуры. М., 1995.
Tillih P. K'erkegor kak ehkzistencial'nyj myslitel' // Izbrannoe : Teologiya kul'tury. M., 1995.
7. Тульчинский Г.Л. Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998.
Tul'chinskij G.L. Zhut' i put', ili Opyt obydenного filosofstvovaniya // Figury Tanatosa: Iskusstvo umiraniya. SPb., 1998.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
9. Hajdegger M. Chto takoe metafizika? // Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M., 1993.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 2011.
Hajdegger M. Bytie i vremya. M., 2011.
11. Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen : 1967.
Heidegger M. Sein und Zeit. Tubingen : 1967.